
О. А. МАШКИНА

МОЙ ДРУГ И НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

После ухода Э. С. Кульпина прошел месяц, а свыкнуться с мыслью, что ему нельзя позвонить, поболтать о том о сем, никак не удается. Нет того чувства отстраненности, которое возникает, когда узнаешь, что ушел из жизни хороший коллега, которого, ах как жаль, ты больше не увидишь. Я все время пребываю во внутреннем диалоге с Эдуардом Сальмановичем, поэтому писать о нем в прошедшем времени трудно. И в голове все время крутится фраза из пафосной песни: «Знаете, каким он парнем был...». Как ответить на этот вопрос, не впадая в стереотипный формат некролога? Начну прежде всего со слова «парень». Как ни забавно, но оно уместно по отношению к Эдуарду Сальмановичу. Он по своей сути был очень молодым человеком. Я не говорю о том, что Эдуард Сальманович никогда не выглядел на свой возраст, передвигался легко и быстро. На панихиде его старшая дочь Ира сказала: он на днях пожаловался, что уже не может бегом подниматься по эскалатору. Вот так. Эдуард Сальманович одевался очень стильно и даже с определенным лихачеством. По крайней мере, его головные уборы – ковбойские шляпы и кепи в стиле Шерлока Холмса – производили такое впечатление. Он был очень легким на подъем: сразу, без колебаний, откликнулся на предложения сходить на выставку, фильм, концерт, побродить по горам, посидеть за чашечкой горячительного напитка. Не помню, чтобы он когда-то жаловался на усталость. Эдуард Сальманович был большим жизнелюбом, сам жил интересно и своей жизнерадостностью и умением получать удовольствие даже от мелочей заражал других. Он так проникновенно пел песни Б. Окуджавы, что, думаю, такое исполнение понравилось бы и автору.

Каким еще он был? Очень отзывчивым и деликатным. Я познакомилась с ним в середине 80-х гг., когда пришла аспиранткой в ИМРД к профессору В. Г. Гельбрасу. Как и многие аспиранты-

гуманитарии (я сужу по нынешнему поколению и вижу мало отличий от себя тех времен), ясности о том, зачем, для кого и почему надо исследовать ту или иную тему, у меня не было, поэтому я смело взялась за изучение рабочего движения на Тайване. К счастью, В. Г. Гельбрас дал мне задание подсчитать, сколько раз в текущей тайваньской периодике встречаются слова «забастовка», «протесты», «борьба». Не найдя этих знаковых сигналов, я поняла, что рабочего движения на Тайване нет, и тема моя – сплошная фикция. Аспирантуру ИМРД я бросила, но дружеские отношения с Эдуардом Сальмановичем сохранились на долгие годы. Когда через много лет работы переводчиком я решила реанимировать свои научные планы, опять-таки не зная, с чего начать, именно Эдуард Сальманович пришел мне на помощь и предложил сначала написать совместную монографию, а уже потом из нее сделать диссертацию. Так появилась книга об образовании и мировоззрении в Китае в 1980-х гг. Понимая, что для защиты мне нужны ссылки на свою часть работы, в предисловии он указал, что 7 из 12 авторских листов написаны мною, хотя, конечно, именно он был генератором научной концепции и решительно правил написанный мною текст. Я сейчас делаю то же самое с работами своих магистрантов: правлю, добавляю, делюсь идеями; короче говоря, Эдуард Сальманович стал для меня эталоном научного руководителя.

По глубине и разносторонности познаний Эдуард Сальманович был энциклопедистом. Кажется, не существовало отраслей знаний, в которых он был бы несведущ, но при этом он с большим уважением относился к экспертному мнению других. У Эдуарда Сальмановича были обширные творческие планы, рассчитанные на многие годы вперед, и это обстоятельство только усиливает убеждение, что его смерть – трагическая, нелепая случайность.